

В баре царили тишина и полумрак. Слышно было только, как жужжит одинокая муха, висящая под потолком. Ещё полгода назад старый хозяин бара подвесил её к потолку вместо люстры, да так и умер, а отцепить забыл. Новый хозяин бара муху отцеплять не торопился и даже привык к её монотонному жужжанию.

Пусть висит, – объяснял он поздним посетителям, – знать, судьба у нас с ней такая.

Всем было известно, что от нового хозяина недавно ушла молодая жена. Завсегдатаи бара судачили о причинах этого развода, но новый хозяин и сам не особо их скрывал.

Пусть висит, – повторял он и наливал себе ещё один стакан шнапса.

У стойки бара стояли два официанта: один повыше и постарше, с седыми усами и в попорченном молью сюртуке, второй - пониже и помоложе, в широких штанах, перехваченных у щиколоток резинкой.

– Слышал, что учудил этот малый с ранчо Джона Кинга? – спросил официант постарше.

– Уж не тот ли малый, что разбогател на продаже тыкв в Нью Калифорнии, а потом открыл притон по продаже обуви? – поинтересовался младший и усмехнулся, а потом добавил: – Имя у него ещё такое забавное – Принс Полуботинок.

– Он самый, – отозвался первый, – Старый Джо вчера рассказывал, что тот совсем рехнулся, ездит по посёлку с какой-то туфлём из кожи буйвола, которого пристрелил Блайнд Шутер * 15 лет назад в Габоне, а туфля, говорят, размером со спичечный коробок.

– Интересно, зачем ему это понадобилось? – равнодушно ответил младший.

– Старый Джо ещё говорил, что парень врывается в дома и всем женщинам посёлка пытается натянуть эту срамоту, ну, туфлю эту, то есть, на ногу. А жениться после этого не хочет. Ноги, видите ли, у них большие. Тьфу.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Это верно, – согласился старший, хихикнув, – Старый Джо ведь ещё сплетничал, что Полуботинок не просто так это делает, а что, мол, началось это всё на вечеринке в салуне Мамаши Бигтите **, где он встретил какую-то девчонку, а потом так накачался муншайном, что заснул, а когда проснулся, то ни девчонки, ни его кошелька не было, зато под подушкой лежал презерватив, а в нём – вот эта самая туфля.

– Туфель, – презрительно поправил его младший.

– Не умничал бы ты, Бад Вайзер***, – обиделся старший.

В это самое время дверь бара отворилась и вошла маленькая девушка с жёлтыми волосами и в переднике, который волочился по земле. В одной руке она держала большой цинковый совок, в другой – швабру. Девушка подошла к стойке бара и положила швабру с совком на пол.

– Найдётся в этом треклятом заведении чего-нибудь выпить? – спросила она неожиданно хриплым прокуренным голосом.

Официант, что помладше, проворно подскочил к ней.

– Привет, малышка, – ласково сказал он и плеснул в стакан виски.

– Стакана мало, наливай полный графин, – возмутилась желтоволосая.

– А не много ли будет тебе, крошка? – удивился младший, – судя по росту, тебе ещё и шестнадцати нет. А судя по бюсту – и восьми.

– Не твоё дело, козёл, – отрезала девица и злобно прищурилась.

– Не цепляйся к девчонке, Бад, – сказал старший, – не нужно жалеть выпивки, если у человека болит душа.

– Как звать-то тебя, маленькая? – участливо добавил он.

– Эш Трэй****.

Младший официант презрительно хмыкнул и отвернулся.

После трёх выпитых графинов желтоволосая разговорилась.

– Папаша мой – старик Трэй, женился на злобной старухе Степ***** из соседнего посёлка Мавафака*****, – доверительно сказала желтоволосая, – а она возьми да приведи с собой в дом двух своих дочерей, которые пили и курили сутки напролёт и заставляли меня

покупать им виски, сигареты, вытряхивать пепельницы и выносить бутылки.

– Да так и спиться недолго, – охнул старший.

– Вот я пью и курю с тех пор, – хрипло сказала Эш и заплакала.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Ты это уже говорил, – мягко ответил старший, – смени пластинку.

– Ну вот, а в один прекрасный вечер я сбежала в салун к мамаше Биггитс, и встретила там его. Он был таким...таким...

– Каким? – вдруг заинтересовался младший.

– Таким, таким... – задумалась желтоволосая.

– Любовь слепа, – задумчиво сказал старший. – Думаешь, что видишь человека насквозь, а на следующее утро уже не можешь припомнить, какой у него нос – курносый или с горбинкой. И какого цвета у него ботинки – тоже не помнишь.

– Вот и я не помню, – ответила маленькая.

– А потом он заснул, а мне надо было бежать, потому что в этот день сигареты продавали только до двенадцати. Я ушла, а он так и не проснулся. А когда пришла домой, то обнаружила, что один туфель остался у него под подушкой в презервативе. Ведь в нашем посёлке презервативы не продают, а передают по наследству от отца к сыну, а я у моего папаши – единственная дочь. В общем, с тех пор я не видела ни презерватива, ни туфли, ни его.

– Любовь – страшная штука, Бад, – грустно сказал старший. – Теряешь больше, чем находишь. Иногда теряешь ещё до того, как нашёл. Раздался звон выбитого стекла. В окно на белом коне въехал Принс Полуботинок. В руке он держал крошечный башмачок.

– О, а вот и мой туфель, – радостно воскликнула желтоволосая.

– Девочка моя, – ласково сказал наездник.

– И я тебя люблю, – заплакала Эш.

Муха наконец-то отцепилась и упала на пол. Жужжание стихло.

– Любовь и виски делают человека ненормальным, – примирительно заметил младший. – Раз, два, и ты уже с катушек долой.

– Пошли спать, – устало сказал старший, – нажрался и талдычишь одно и то же.

Дома старший официант лёг в постель и долго ворочался. Завтра будет новый день, подумал он, а потом ещё один, и ещё, а потом нам всем настанет крышка. Но об этом нельзя думать, потому что когда-нибудь кто-нибудь придёт, приподнимет крышку и напишет о нас. И мы никогда не умрём.

Любовь и виски делают человека ненормальным, раз, два, и ты уже с катушек долой, подумал он, окончательно проваливаясь в сон.

Словарь имён:

* Слепой Стрелок

** Мамаша Большие Сиськи

*** Ну, это и ежу понятно

**** от англ. ashtray (пепельница)

***** от англ. stepmother (мачеха)